

К ВОПРОСУ О ЦИКЛООБРАЗУЮЩЕЙ ФУНКЦИИ ЧЕТЫРЕХСТОПНОГО ХОРЕЯ В ЛИРИКЕ А.С. ПУШКИНА

(«Дорожные жалобы»)

Как уже неоднократно отмечалось в научной традиции¹, стихи Пушкина, написанные во второй половине 1820-х – начале 1830-х годов четырехстопным хореем, объединены не только метром². Даже при беглом взгляде на них заметно, что в них есть схожие синтаксические и лексические конструкции, общие тематические поля, похожи субъектные структуры, организация пространства и времени³. Конечно, это не дает нам право говорить об авторском цикле в строго терминологическом значении слова. Но в качестве гипотезы можно предположить, что явление циклизации все же наблюдается: есть три из пяти универсальных циклообразующих связей (изотопия, пространственно-временной континуум и полиметрия)⁴ и та «связь автономных частей», которая «не носит “готового” вида (нарративной последовательности), но существует лишь как возможность (иногда и скрытая), реализовать которую может только в своем восприятии читатель»⁵.

Однако совершенно очевидно, что для подтверждения (или опровержения) данной гипотезы необходим подробный и тщательный анализ всех стихотворений, предположительно включенных в упомянутую циклизацию. Данная статья, посвященная анализу стихотворения «Дорожные жалобы» (4 октября 1829 г.)⁶, – еще один наш шаг в этом направлении⁷.

Метрико-ритмическая схема стихотворения:

		1	2	3	4	5	6	7	8
1.	Долго ль мне гулять на свете,	–	У	–	У	–	У	–	У
2.	То в коляске, то верхом,	У	У	–	У	У	У	–	
3.	То в кибитке, то в карете,	У	У	–	У	У	У	–	У
4.	То в телеге, то пешком?	У	У	–	У	У	У	–	
5.	Не в наследственной берлоге,	У	У	–	У	У	У	–	У
6.	Не среди отческих могил,	У	У	–	У	У	У	–	
7.	На большой мне, знать, дороге,	У	У	–	У	У	У	–	У
8.	Умереть Господь судил,	У	У	–	У	–	У	–	
9.	На камнях под копытом,	У	У	–	У	У	У	–	У
10.	На горе под колесом	У	У	–	У	У	У	–	
11.	Иль во рву, водой размытом,	У	У	–	У	–	У	–	У
12.	Под разобранным мостом.	У	У	–	У	У	У	–	
13.	Иль чума меня подцепит,	У	У	–	У	–	У	–	У
14.	Иль мороз окостенит,	У	У	–	У	У	У	–	
15.	Иль мне в лоб шлагбаум влепит	У	У	–	У	–	У	–	У
16.	Непроворный инвалид.	У	У	–	У	У	У	–	
17.	Иль в лесу под нож злодею	У	У	–	У	–	У	–	У
18.	Попадуся в стороне,	У	У	–	У	У	У	–	
19.	Иль со скуки околею	У	У	–	У	У	У	–	У
20.	Где-нибудь в карантине.	У	У	–	У	У	У	–	

21.	Долго ль мне в тоске голодной	–	У	–	У	–	У	–	У
22.	Пост невольный соблюдать	–	У	–	У	У	У	–	
23.	И телятиной холодной	У	У	–	У	У	У	–	У
24.	Трюфли Яра поминать?	–	У	–	У	У	У	–	
25.	То ли дело быть на месте,	–	У	–	У	–	У	–	У
26.	По Мясницкой разъезжать,	У	У	–	У	У	У	–	
27.	О деревне, о невесте	У	У	–	У	У	У	–	У
28.	На досуге помышлять!	У	У	–	У	У	У	–	
29.	То ли дело рюмка рома,	–	У	–	У	–	У	–	У
30.	Ночью сон, поутру чай;	–	У	–	У	–	У	–	
31.	То ли дело, братцы, дома!..	–	У	–	У	–	У	–	У
32.	Ну, пошел же, погоняй!..	У	У	–	У	У	У	–	

Стихотворение написано четырехстопным хореем с правильным чередованием мужских и женских рифм (тип рифмовки перекрестный). Полностью размер реализован только в шести строках (из тридцати двух):

1 Долго ль мне гулять на свете,
21 Долго ль мне в тоске голодной
25 То ли дело быть на месте,
29 То ли дело рюмка рома,
30 Ночью сон, поутру чай;
31 То ли дело, братцы, дома!..

Как будет видно из дальнейшего анализа, эти строки выделены не только на метрико-ритмическом уровне.

Четырехстопный хорей, как известно, в XVIII в. применялся в основном в двух областях: в шуточных стихах, в легкой, анакреонтической по-

эзии (очень часто, однако, заключающей в себе мотивы быстротечности времени, мимолетности жизни и т.п.) и в духовных одах, переложениях псалмов. Первая традиция почти без изменений перешла в следующий век, а духовные оды и гимны в XIX в. практически прекращают свое существование, но, по наблюдениям М.Л. Гаспарова, их влияние сказывается в том, что, «наряду с песенной бодростью и легкостью, в 4-стопным хорее сохраняется и серьезная тематика. <...> Однако сентенциозная положительность и гимническая торжественность уступают место тревожной смутности ищущей мысли»⁸.

В «Дорожных жалобах» есть и то, и другое. Это хорошо видно и из анализа лексического уровня.

Словарь текста:

Имена существительные: *свет, коляска, кибитка, карета, телега, берлога, могилы, дорога, Господь, камень, копыта, гора, колесо, ров, вода, мост, чума, мороз, лоб, шлагбаум, инвалид, лес, нож, злодей, сторона, скука, карантин, тоска, пост, телятина, трюфли, Яр, дело <3 раза>, место, Мясницкая, деревня, невеста, досуг, рюмка, ром, сон, чай, братцы.*

Местоимения: *мне <4 раза>, меня.*

Глаголы: *гулять, умереть, судить, подцепить, окостенить, влечь, понасться, околеть, соблюдать, поминать, быть, разъезжать, помышлять, пойти, погонять.*

Имена прилагательные: *наследственная, отческие, большая, непроторный, голодная, невольный, холодная.*

Наречия: *долго <2 раза>, верхом, пешком, где-нибудь, ночью, поутру, дома.*

В тексте явно преобладают существительные (45) по сравнению с глаголами (15) и прилагательными и наречиями (тоже 15). А среди существительных большинство (28) – это слова с предметным значением (*коляска, кибитка, карета, телега, берлога, могилы, дорога, камень, копыта,*

гора, колесо, ров, вода, мост, лоб, шлагбаум, инвалид, лес, нож, карантин, телятина, трюфли, Яр, Мясницкая, деревня, рюмка, ром, чай). Поэтому внутренний мир стихотворения предельно детален и конкретен. Например, совершенно определенно указывается, где лирический субъект любит бывать (*по Мясницкой разъезжать*), что есть (*трюфли Яра*), что пить (*рюмку рома, поутру чай*) и т.п. В этом контексте интересно замечание Т.И. Сильман, что «эмпирические детали быта, реального окружения, среды, эпохи, взятые как таковые, не только не содействуют раскрытию лирического сюжета, но, наоборот, помогают поэту <...> засекретить этот сюжет, сказать о нем как бы помимо своего желания, в подтексте»⁹.

Похожую картину можно наблюдать и среди глаголов. Почти все они имеют нарочито сниженный характер (*подцепить, влечь, околеть* и т.д.). Подобные слова, довольно часто используемые в бытовой, разговорной речи, в поэзии употребляются обычно лишь в шуточных стихах. Вероятно, из-за этого стихотворение и производит вначале впечатление несерьезного. Но, как пишет Л.Я. Гинзбург, «у Пушкина повседневное слово свободно от обязательных связей с бурлескным, комическим, превращено в равноправный по своим возможностям лирический материал»¹⁰. Просторечие служит своего рода маскировкой мыслей. Но, с другой стороны, здесь же присутствует и «демаскировка». Большинство глаголов имеют значение либо движения (*гулять, разъезжать, пойти, погонять*), либо – прямо или косвенно – смерти (*умереть, околеть, попасться под нож* и т.п.). Таким образом, они выводят нас на главные темы (или мотивы) стихотворения¹¹.

Основных тематических поля здесь два. Первое, наиболее очевидное, – *дорога*: *свет, коляска, кибитка, карета, телега, дорога, камень, копыта, гора, колесо, ров, вода, мост, лес, скука, тоска, пост* и др. Сюда же относятся прилагательные *голодная, холодная*, наречия *верхом, пешком, где-нибудь*.

Синонимами слова «дорога» оказываются неприкаянность, скука, тоска. И в этом – явная противопоставленность романтическому видению мира, где, наоборот, странствия были идеалом, а дом – средоточием прозы жизни и скуки. Для романтиков покой означал неволю, дорога – свободу. «Романтический герой всегда в пути, его мир – это дорога. За спиной у него покинутая родина, ставшая для него тюрьмой. <...> Но и на чужбине скиталец не останавливается. Всякая остановка для него насильственна»¹², – писал Ю.М. Лотман.

Примеров романтизации дороги можно привести множество, в том числе и среди ближайшего пушкинского окружения:

Я в надежде, я в смятенье;
Предаю себя волнам;
Счастью вижу в отдаленье;
Все, что мило, – мнится – там!¹³

В.А. Жуковский. Путешественник. 1810 г.

Туман бы распутать мне в длинную нить
Да плащ бы широкий из сизого свить,
Предаться бы вихрю несытной душой,
Средь туч бы летать под безмолвной луной!

Все дале и дале, и путь бы простер
Я в бездну, туда – за сапфирный шатер!¹⁴

В.К. Кюхельбекер. Родство со стихиями. 1834.

Интересно, что и вне романтизма нередко можно встретить поэтизацию пути. Бытовые детали исчезают, остается только «поэзия телег»:

Опять я на большой дороге,
Стихии вольный гражданин,
Опять в кочующей берлоге
Я думаю думаю один.

Мне нужно это развлечение,
Усталость тела и тоска,
И неподвижное движение,
Которым зыблюсь я слегка.

В них возбуждательная сила,
В них магнетический прилив,
И жизни потаенной жила
Забилась вдруг на их призыв. <...>¹⁵

П.А. Вяземский. Дорожная дума. 1841.

У самого Пушкина в начале 1820-х гг. тоже можно найти множество подобных строк, но «годы пребывания в Михайловском сделались для Пушкина временем, когда идеал подлинного родного дома, освященного любовью, все болезненнее возникал в сознании поэта»¹⁶. А дорога – это как раз отсутствие дома и «покоя», это постоянные скитания, которые уже не радуют, а томят:

Им овладело беспокойство,
Охота к перемене мест.
(Весьма мучительное свойство,
Немногих добровольный крест). [Т. 6. С. 170].

Но, помимо своего прямого значения, слово *дорога* имеет и еще одно – жизненного пути вообще. Такое понимание тоже весьма распространено. В качестве примера можно привести хотя бы «Дорогу жизни» Е.А. Баратынского:

В дорогу жизни снаряжая
Своих сынов, безумцев нас,
Снов золотых судьба благая
Дает известный нам запас.
Нас быстро годы почтовые
С корчмы довозят до корчмы,
И снами теми роковые
Прогоны жизни платим мы¹⁷.

1825 г.

И сам Пушкин не являлся исключением. «Дорога», «путь» именно в этом смысле встречаются у него очень часто во все годы:

Нам разный путь судьбой назначен строгой,
Ступая в жизнь, мы быстро разошлись:
Но невзначай проселочной дорогой
Мы встретились и братски обнялись.

19 октября 1825 года. [Т. 2. С. 375].

Ты царь: живи один. Дорогою свободной
Иди, куда влечет тебя свободный ум.

Поэту. 1830 г. [Т. 3. С. 223].

Непроницаемый для взгляда черни дикой

В молчанье шел один ты с мыслию великой. <...>

И на полупути был должен наконец

Безмолвно уступить и лавровый венец,

И власть, и замысел, обдуманый глубоко.

Полководец. 1835 г. [Т. 3. С. 379].

Примеры можно было бы приводить до бесконечности. Но особое внимание хочется обратить на стихотворение «Телега жизни» (1823), потому что в нем есть не только тот же образ дороги как жизненного пути, но и та же намеренная прозаизация вечной философской темы:

Хоть тяжело подчас в ней бремя,

Телега на ходу легка;

Ямщик лихой, седое время,

Везет, не слезет с облучка.

С утра садимся мы в телегу;

Мы рады голову сломать

И, презирая лень и негу,

Кричим: пошел!.....

Но в полдень нет уж той отваги;

Порастрясло нас; нам страшней

И косогоры и овраги;

Кричим: полегче, дуралей!

Катит по-прежнему телега;

Под вечер мы привыкли к ней

И дремля едем до ночлега –

А время гонит лошадей. [Т. 2. С. 273].

В этом стихотворении все аллегории предельно разъяснены. Следовательно, оно помогает лучше понять «Дорожные жалобы», которые, таким образом, приобретают почти символический подтекст. Ведь если дорога – это жизненный путь, то ямщик, присутствие которого в «Дорожных жалобах» подразумевается (*Ну, пошел же, погоняй!..*), – это время. Все «средства передвижения» (*коляска, кибитка* и т.д.) – та самая «телега жизни», а все дорожные неудобства – жизненные коллизии и передрыги. Кроме того, «Дорожные жалобы» описывают примерно то же состояние, что и третья строфа «Телеги жизни», когда *«в полдень нет уж той отваги; / По-растрясло нас»*.

Таким образом, стихотворение из полусерьезных восклицаний уставшего путника превращается в размышления человека в «полдень» жизни, в его жалобы на свое одиночество и неприкаянность.

В связи с этим надо вспомнить о втором тематическом поле стихотворения, связанным с понятием «дом»: *берлога, трюфли Яра, Мясницкая, деревня, невеста, досуг, рюмка рома, сон, чай; наследственный, отческие, дóма* и т.д. Из этих слов вырисовывается совсем другая картина: уют, покой, дом и т.п. Но, присутствуя в стихотворении, этот мир в то же время отсутствует.

Это видно из анализа грамматического уровня. Ведь все слова этого тематического поля даны либо с отрицанием (*Не в наследственной берлоге, / Не среди отческих могил*), либо в условном наклонении (*То ли дело быть на месте* и т.д.). Таким образом, это только мечты, а реальность – все та же бесконечная неуютная дорога, причем нескончаемость ее подчеркивается временами глаголов: почти все они стоят либо в инфинитиве, т.е. являются нейтральными, либо в будущем времени, т.е. показывают сферу предстоящего, перспективу.

Кстати говоря, привлекает внимание и употребление местоимений, вернее, одного местоимения: 4 раза употребляется «мне», 1 раз – «меня». Следовательно, субъектами действия выступают *чума, мороз, инвалид* и т.п., а лирический субъект пассивен, он по сути является объектом, жертвой.

Интонационно в стихотворении выделено четыре строфы: две вопросительных – первая и шестая – и две восклицательных – седьмая и восьмая. (Именно в этих строфах первые строки выделяются и на метрико-ритмическом уровне – в них полностью реализован четырехстопный хорей).

При этом интонационно выделенные строфы разделяют стихотворение на две части. Первая описывает различные дорожные неурядицы и варианты смерти.

Эта часть представляет собой как бы замкнутый круг – она начинается и заканчивается близкими по смыслу вопросами:

Долго ль мне гулять на свете,
То в коляске, то верхом,
То в кибитке, то в карете,
То в телеге, то пешком?

Долго ль мне в тоске голодной
Пост невольный соблюдать
И телятиной холодной
Трюфли Яра поминать?

Причем вопросы эти так и остаются без ответа. Вторая часть не отвечает на них. Она просто представляет совершенно другую картину – уже не дороги, а дома. Действие переносится в Москву, все становится более

спокойным, уютным. Появляется обращение – *братцы* – не официальное (как *друзья мои, други, братья*), а домашне-фамильярное.

Также обращает на себя внимание тот факт, что вторая часть значительно (в три раза) меньше первой. Это как бы короткий полет фантазии. Но последняя строка, отрезанная от остальных многоточием, все ставит на свои места. Действие возвращается туда, откуда оно началось – на дорогу.

Таким образом, получается, что не только первая часть, но и все стихотворение имеет кольцевую композицию. Возможно, это тоже символизирует бесконечность скитаний и невозможность остановки. Мечты о доме оказываются только мечтами, а реальностью – только дорога.

Сходное построение (дорога – обращение в мечтах к дому – снова дорога) имеет и стихотворение «Зимняя дорога». И вообще мотив дороги как пути в предметном значении и как жизненного пути как раз и является одним из циклообразующих факторов для стихов Пушкина, написанных четырехстопным хореем.

¹ См., например: *Белюсов А.Ф.* Стихотворение А.С. Пушкина «Зимний вечер» // Русская классическая литература: Анализ художественного текста. Таллин, 1988. С. 20; *Гаспаров М.Л.* Семантический ореол пушкинского четырехстопного хорea // Пушкинские чтения: Сборник статей. Таллинн, 1990. С. 5–14; *Лотман Ю.М.* Анализ поэтического текста // *Лотман Ю.М.* О поэтах и поэзии. СПб., 1996. С. 163.

² Имеются в виду, прежде всего, следующие тексты: «Если жизнь тебя обманет...», «Зимняя дорога», «Ек. Н. Ушаковой» («В отдалении от вас...»), «Дар напрасный, дар случайный...», «Предчувствие» («Снова тучи надо мною...»), «Рифма, звучная подружка...», «Город пышный, город бедный...», «Стрекотунья-белобока...», «Талисман», «Дорожные жалобы», «Бесы», «Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы», «Зимний вечер», «Подъезжая под Ижоры...», «Зорю бьют... Из рук моих...», «Бесы».

³ См. подробнее в нашей статье: О семантике четырехстопного хорea в лирике А.С. Пушкина 1825–1830 гг. // В свете исторической поэтики...: Книга памяти Самсона Наумовича Бройтмана: Статьи и воспоминания (*в печати*).

⁴ См.: *Фоменко И.В.* Авторский цикл в лирике. Некоторые перспективы исследования // Кормановские чтения: Материалы межвузовской научной конференции (апрель 1997). Вып. 3. Ижевск, 1998. С. 18–19.

⁵ *Дарвин М.Н., Тюпа В.И.* Циклизация в творчестве Пушкина: Опыт изучения поэтики конвергентного сознания. Новосибирск, 2001. С. 30.

⁶ *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений: В 17 т. Т. 3. С. 177–178. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте с указанием номера тома и страницы.

⁷ Первый шаг к реализации поставленной задачи см. в нашей статье: «Если жизнь тебя обманет...»: опыт анализа (к вопросу о семантике четырехстопного хорей у А.С. Пушкина) // Филологический журнал. 2007. № 1 (4). С. 209–214.

⁸ Гаспаров М.Л. Очерк истории русского стиха. М., 1984. С. 115.

⁹ Сильман Т.И. Заметки о лирике. Л., 1977. С. 80.

¹⁰ Гинзбург Л.Я. О лирике. Л., 1974. С. 215.

¹¹ В лирике, как известно, тема сливается с мотивом. См.: «Всякий мотив в лирике исключительно тематичен, и любому мотиву здесь можно поставить в соответствие определенную тему. И наоборот, лирическая тема как таковая исключительна мотивна по своей природе, и мотивы как предикаты темы развертывают ее через действие – конечно, применительно к лирическому субъекту. <...> В целом же лирическая тема принципиально и предельно *рематична*, и в этом отношении она функционально сливается с лирическим мотивом» (Силантьев И.В. Поэтика мотива. М., 2004. С. 87–88.)

¹² Лотман Ю.М. А.С. Пушкин: Биография писателя. Л., 1983. С. 57.

¹³ Жуковский В.А. Баллады и стихотворения. М., 1984. С. 91.

¹⁴ Дельвиг А.А., Кюхельбекер В.К. Избранное. М., 1987. С. 348.

¹⁵ Вяземский П.А. Стихотворения. М., 1978. С. 178.

¹⁶ Лотман Ю.М. А.С. Пушкин: Биография писателя. С. 132.

¹⁷ Баратынский Е.А. Полное собрание стихотворений. Л., 1957. С. 119.